Илья и Сокольник (3)

Не далёко от города, не близко же,
Не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст,
Не далёко, не близко — да за двенадцать вёрст
Стояла застава да богатырская,
Де стояла застава да богатырская,
Не велика, не мала — да тридцеть да собогатырёв,
Ой не велика, не мала — да тридцеть собогатырёв,
Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град,
Они хранили-каравулили стольнёй Киев-град.
Тут не конной, не пешой не прохаживал,
Не рыскуцёй зверь да не прорыскивал,
А не рыскуцёй зверь да не прорыскивал,
Не ясён сокол да не пролетывал,
Ой не ясён сокол да не пролетывал.
Залегала дорожка да ровно тридцать лет,
Залегала дорожка да ровно тридцать лет.
А-де жил на заставе атаманом да Илья да Муромец,
А-де жил на заставе Илья да Муромец.
Да ставал старой да по утру ранёшанько,
А-де ставал старой да по утру ранёшанько,
Омываитце старой да ключевой водой,
Омываитце старой да ключевой водой,
Вытираитце старой да полотёнышком,
Вытираитце старой да полотёнышком,
Одеват козловы сапожки да на белы чулки,
Одеват козловы сапожки да на белы чулки,
Он Богу молитце да не помножечку,
Он да Богу молитце да не помножечку.
Де одевал ведь кунью шубу да на одно плечо,
Одевал он ведь кунью шубу да на одно плечо,
А-де пухов-от колпак да на одно ухо,
Де пухов-от колпак да на одно ухо.
А-де брал он трубочку подзорную,
А-де брал он трубочку подзорную.
Он выходит на парадноё да сам крылечушко,

А выходит сам да на парадноё крылечушко,
Он зрит-смотрит в ту сторону во северну,
Он зрит-смотрит в ту сторонушку во северну,
Он зрел-смотрел в ту сторонушку во северну —
Де на севери стоят да ледяны горы,
Де на севери стоят да ледяны горы.
Ище зрил-смотрел в ту сторонушку восточную,
Ище зрил-смотрел в ту сторонушку восточную —
На востоке там стоят да лесы тёмныё,
На востоке там стоят да лесы тёмныё,
Лесы тёмныя, горы высокиё,
Лесы тёмныя, горы высокия.
Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во южную,
Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во южную —
Де на юге стоят луга широкиё,
Где на юге стоят луга широкиё,
Де луга широкия, травы зелёныё,
Де луга широки, травы зелёныё.
Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну,
Ище зрит-смотрит в ту сторонушку во западну —
Де на запади стоит да полё чистоё,
Де на запади стоит да полё чистоё,
Полё чистоё да всё ле Куликово,
Полё чистоё да всё ле Куликово.
Где не славный Буян-остров там шатаитце,
Де не славной Буян-остров там шатаитце,
Не Саратовски там горы да взременяютце,
Не Саратовски горы да взременяютце,
Ой не Саратовски там горы да взременяютце —
Едёт богатырь да забавляитцё,
Едёт богатырь да забавляитцё:
Стрелоцькой сам он постреливат,
Стрелоцькой сам он постреливат,
На лету стрелу подхватыват, на пол не уранива<т>,
На лету стрелу он да сам похватыват,
На пол её да не ураниват,
А на правом колени его чернилица,
На правом колени его бумажочка,
На левом колени его чернилица,

На правом колени его бумажочка.
Он пишот арлык да скору да грамотку,
Он пишот арлык да скору грамотку.
Он подмётыват ей да ко белу шатру,
Он подмётыват ей да ко белу шатру.
Де выбегал старой да тут скорёшенько,
Выбегал старой да тут скорёшенько,
Он брал записочку легошенько,
Ой-де брал он записочку легошенько,
Давал читать Добрынюшке ле Никитичу,
Де давал читать Добрынюшке Никитичу.
Де читат Добрыня да усмехаитце,
Ой-де читал Добрыня да усмехаитце:
«Едёт детина да похваляетце,
Ой едёт детина да похваляетце:
„Еду к вам да в стольнёй Киев-град,
Уж я еду к вам да в стольнёй Киев-град,
Я шуметь-грометь да в стольнём Киеве,
Я шуметь-грометь да в стольнём Киеве.
Уж я еду к вам да в стольнёй Киев-град,
Я шуметь-грометь да в стольнём Киеве,
Я божьи церькви да я на дым спущу,
А древяны иконы — да на поплав воды,
А я медны иконы да во грезь стопчу,
А Владимира-князя да я под мець склоню.
Ай медны иконы да я во грезь стопчу,
А Владимира-князя да я под мець склоню,
Апрасину я кнегину да за себя возьму,
Апрасину я кнегину да за себя возьму,
Крупну силу да я сповыбью сам,
Мелку силу да я сповыгоню,
А Добрынюшку Никитича да я — во писари.
Крупну силу да я сповыбью сам,
Мелку силу да я сповыгоню,
А Добрыню Никитича я — во писари“».
А-де закричал старой да громким голосом:
«Ой не времё спать, да вам пора ставать!»
Де закричал старой да громким голосом:
«Ой не времё спать, да вам пора ставать,

Не от великого хмелю да просыпатися,
Не от крепкого сну, робята, да розбужатися.
Ой, не времё спать, да вам пора ставать,
Не от великого хмелю да просыпатися,
Не от крепкого сну, робята, да розбужатисё.
Не от великого хмелю да просыпатися,
Не от крепкого сну, робята, пробужатисё.
А кого ж мы пошлём да за богатырём,
А кого ж мы пошлём да за могучиим?
А кого ж мы пошлём да за богатырём,
А кого ж мы пошлём да за могучиим?
А послать-то не послать не Дьюга, знать, Степановича?
А не Дюк Степанович да роду да повотливого,
Не за што он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать дак братьей да полунённыих,
А послать-то не послать дак братьей да полунённыих?
Братья полунянные социняют-то всё изменушку,
Братья полунённыя да социняют-то всё изменушку.
А послать-то не послать дак Мишку ли Турупанишка,
А послать-то не послать дак Мишку ле Турупанишка?
Мишка Турупанишка роду ле торопливаго,
Мишка Турупанишка роду ле торопливого,
Не за што он потерят дак буйну голову.
А послать-то не послать дак Мишку ле Турупанишка?
Мишка Турупанишка роду ле туропливого,
Не за што он потерят дак буйну да голову.
А послать-то не послать Самсона сына да Колыбанова,
А послать-то не послать Самсона сына да Колыбанова?
А Самсон-сын роду да сон... сонливаго,
Не за што он потерят дак буйну да голову.
А Самсон-сын роду да он сонливаго,
Не за што он потерят дак буйну да голову.
А послать-то не послать Олёшеньку Поповиця?
А Олёшенька Поповиць роду да заговорьливаго.
А послать-то не послать Олёшеньку Поповиця?
А Олёшенька Поповиць роду да заговорьливаго,
Незавид он потерят дак буйну ле голову.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
А Добрынюшка Никитиць роду вежливаго,

А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
А Добрынюшка Никитиць роду вежливаго,
Он сумеет он с бога...
А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
А Добрынюшка Никитиць роду вежливаго.
А послать-то не послать Добрынюшку Никитиця?
А Добрынюшка Никитиць роду вежливаго,
Он сумеет с богатырём ведь съехатце,
Он сумет с богатырём разъехатце,
Он сумет с богатырём там съехатце,
Он сумет с богатырём разъехатце,
Он сумет богатырю ведь чесь воздать».
Ой не видели, как Добрыня да коня скоцил,
А не видели, как Добрыня да в стремена ступил,
Ой не видели, как Добрыня да на коня скоцил,
А не видели, как Добрыня да в стремена ступил,
Токо видели: в чистом поле копать стоит.
А где догнал Добрынюшка ле Сокольника,
А кричал Добрыня да во первой након,
Ой-де догнал Добрынюшка Сокольника,
А кричал Добрыня да во первой након:
«Если русский богатырь, да поворот даю,
А не русский богатырь, да я напус даю.
Если русский богатырь, да поворот даю,
А не русский богатырь, да я напус даю!»
А на ето детина да не ослушалсе.
Де кричал Добрыня да во второй након:
«Если русский богатырь, да поворот даю,
А не русский богатырь, да я напус даю!»
А на ето детина да не ослушалсе.
Ой-де кричал Добрыня да во третьей након:
«Если русский богатырь, да поворот даю,
А не русский богатырь, да я напус даю!»
А на ето детина да не ослушалсе.
Ой-де стал Добрынюшка ле ругатися:
«Едёшь, гадина ты перегадина,
Летишь, ворона да пустопёрая,
Едёшь, гадина ты перегадина,
Летишь, ворона да пустопёрая!

Летишь, машишься, сорока да загумённая!
А была у нас убайна коровушка бозыкова,
А была у нас убайна коровушка бозыкова,
По загуменьям коровина волочиласе,
По загуменьям коровина волочиласе,
Оловиной корова да подавиласе,
Оловиной коровина подавиласе.
Верно те, собаки, да то же да надобно!»
А на ето тут детина да поворот даёт,
А на ето детина да поворот даёт,
Он-де брал Добрыню да за жёлты кудри,
Он-де брал Добрыню да за жёлты кудри,
Он бросил его да на сыру землю,
Он бросил его да на сыру землю,
Он дал ему ведь тут по тяпышу,
А прибавил еще да по олабышу:
«А поезжай-ко ты назад да во белой шатёр,
А скажи-ко старику да ты низкой поклон,
Што он вами, говнами, да заменяитце:
Ему самому со мною да там не справитце».
Едёт Добрыня да не по-старому,
Конь его бежит дак не по-прежному,
Повеся дёржит Добрыня да буйну голову,
Потопя его да оци ясныё.
А-де стал старой Добрынюшку выспрашивать,
Стал старой Добрынюшку выведывать.
«Видел в поле да я богатыря,
Он шлёт тебе да сам низкой поклон,
Говорит, что он вами, говнами, за... заменяитце,
Ему самому со мною да в поле да там не справитце».
А завидело око да молодецкоё,
А заслышало ухо да богатырскоё,
А расходились его плеча могучиё,
Рассердилось его да ретиво сердцо,
Закричал старой да громким голосом:
«Уж седлайте-уздайте вы добра коня!
Оберите его да вы со трёх цепей,
А кладите ему да восемь ле подпружочёк,
А девяту кладите чересхребётную,

А на шею кольцюжочку серебрену,
Ой не ради красы дак молодецкой —
Ради крепости да богатырскоей,
А штобы не оставил добрый конь да во чистом поли.
Не успеете вы щей котла сварить —
Да привезу погану да буйну да голову,
На погаленьё ей, да на поруганьё».
Тут не видели, как старой дак на коня скоцил,
А не видели, как старой да в стремена ступил,
Ой не видели поездки да молодецкоей,
А не видели побежки да лошадинноей,
Токо видели: в чистом поле копать стоит,
Из-под копыт коня да искры да сыплютце,
Изо рта коня да пламём да мечитце,
Не золотиста грива да росстилаитце,
Хвост коня трубою да завиваитце.
Ай говорил Сокольник да он своим слугам,
А своим слугам, да своим верныим:
«А выбирайте вы себе хозяина поласковей,
А поласковей хозяина, повежливей,
Со старым-то съехатце — да мне не брататце,
Со старым-то съехатце — да не с родным отцом,
Со старым-то съехатце — да дело да под молитвою,
Дело под молитвою, да где божья помочь».
А тут не две горы ведь там столкнулисе —
Два богатыря ведь в поле съехались.
Копья их дак повихалисе,
Сабли их да пощарбалисе,
Ухватились они ведь там в охабочку.
А дрались они, бились да целы да суточки.
А похвально слово старику ведь тут ле стретило —
Де права нога его провихнуласе,
Лева рука его да покальзиласе,
Ой-де упал старой да на сыру землю.
А заскочил Сокольник ему да на белы груди,
Вытащил ножичок булатныи,
Он хотел резать его да груди да белыё,
А смотреть его да ретиво сердцо.
Де взмолилсе старой дак Богородице:

«Я за вас стою, да я ле за вас борю<сь>,
Я стою-борюсь за верушку Христовую —
Выдали меня поганым да на погаленьё,
Выдали меня поганым да на покурканьё!»
Тут не ветер полосочкой возмахивал —
У старого силы втроё да тут поприбыло.
Ухватил он Сокольника за подпазухи,
А бросил его да на сыру землю,
Разорвал его латы булатныё,
Вытащил ножичок булатноей,
Он хотел резать да груди-де белыё,
Он смотреть его да ретиво сердцё.
Замахнулсе старой да во первой након,
Ой-де замахнулсе старой да во первой након —
А в плечи рука его да остояласе.
Ой-де стал он спрашивать Сокольника:
«Коёго отця да коя да матери,
Коё ты дак роду-племени?» —
«Когда я на твоих грудях сидел, тебя не спрашивал,
Режь меня и ты, не спрашивай».
Де замахнулсе старой да во второй након —
А в плечи рука его да остояласе.
А-де стал старой ведь тут выспрашивать,
Стал старой его ле выведывать:
«Как тебя зовут, да чьёго роду ты,
А как тебя ведь звать по имени?» —
«Я когда сидел на твоих грудях, тебя не спрашивал,
Режь меня и ты, не спрашивай».
Де замахнулсе старой да во третьей након —
И в заведи рука его да ле остояласе.
А-де он стал, старой, Сокольника выспрашивать,
Де стал Сокольника выведывать:
«Чьёго роду да ты ведь, коя да племени,
Как зовут тебя ле по имени?» —
«Есть за морём палинока да одинокая,
Я её ведь да родной сын».
Ой-де взял старой ведь тут Сокольника,
Он поднял его да на резвы ноги,
Он поднял его, да он обнял его:

«Я же буду ведь родной я отец тебе,
Поезжай-ко ты назад да во черной шатёр,
А скажи-ко матери да ты низкой поклон,
А приезжай к нам на заставу каравульнюю,
А не будет те в поле да поединщика».
Поезжал Сокольник дак он ко матери,
Он гат: «Видел я в поли да там богатыря,
Он тебя называт...
Видел я в поле ведь там богатыря,
Видел я в поле коровушку бозыкову,
Тя бля... блядью он ругат, да меня да выблядком».
Он убил тут свою ведь да родную маму.
Он приехал к старому да во белой шатёр,
Забежал он к старому да Илье да Муромцу,
Ударил его да во белую грудь.
А-де был у старого да чудной крест,
Из-под креста его да кровь-то не брызнула.
Де соскочил старой дак на резвы ноги,
Ухватил Сокольника за жёлты кудри,
А бросил его да о кирпичат пол.
Тут Сокольнику да ведь да смерть случиласе.
(Всё, конец, всё!)

(Зап. Балашовым Д. М.: дек. 1964 г., сел. Усть-Цильма — от Чупрова Леонтия Тимофеевича, 61 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.